

УДК 81'42

EDN OKUYZK

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-103-110>

Соотношение языка и власти: философский аспект

А. А. Ерофеев ¹

¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Сведения об авторе

Андрей Александрович Ерофеев,
e-mail: andreyerofeev2017@gmail.com

Для цитирования: Ерофеев, А. А. (2024) Соотношение языка и власти: философский аспект. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 2, с. 103–110. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-103-110>
EDN OKUYZK

Получена 17 марта 2024; прошла рецензирование 17 мая 2024; принята 15 июня 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. А. Ерофеев (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу философского аспекта взаимосвязи концептов «язык» и «власть», властному дискурсу и властным взаимоотношениям, реализуемым посредством языка. Властные взаимоотношения часто сводятся исключительно к сфере политики, тем самым за скобки выносятся проявления власти в институциональных дискурсах, например в пенитенциарном. Термин «дискурс» плотно вошел в терминологический аппарат философии, социологии, политологии, антропологии и т. д. Вполне естественно, что его трактовка различается в зависимости от занимаемых исследователями позиций. **Актуальность** заявленной темы статьи обусловлена, во-первых, малой изученностью проблемы соотношения языка и власти в таком виде дискурса, как пенитенциарный; во-вторых, необходимостью осмысления философского аспекта соотношения реализации языка власти, с одной стороны, и депривации доступа к дискурсу у класса людей, лишенных какой-либо власти, — с другой. **Научная новизна** статьи заключается в попытке решения задачи, имеющей существенное значение для дискурсивной лингвистики. Новизна знания, полученного в ходе исследования, определяется рассмотрением философского аспекта важнейшей проблемы современного социума — неодинаковый доступ к дискурсивной практике участников властной среды, например пенитенциарной. Основным **методом** исследования является метод критического дискурс-анализа в интерпретации М. Фуко, Т. А. ван Дейка, Н. Фэрклоу, Р. Фаулера и других исследователей. **Теоретическая значимость исследования** заключается в определении властного дискурса как типа дискурса, который посредством высказывания или иных коммуникативных актов устанавливает иерархические институциональные отношения. Некоторые зарубежные исследователи также уделяют внимание вопросу сопротивления власти, называя сопротивление неотъемлемой частью самой власти. **Основным итогом** проведенного исследования является установление факта того, что язык выступает единым инструментом реализации интересов как для групп власти, так и для групп сопротивления ей. Существенное различие между участниками властных взаимоотношений заключается в их неравноправии в области доступа к ограниченным нематериальным ресурсам, в частности к дискурсу.

Ключевые слова: дискурс, власть, властный дискурс, дискурс сопротивления, язык власти, язык сопротивления, эмпауэрмент

Interconnection of Language and Power: Philosophical aspect

A. A. Erofeev ¹

¹ National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia

Author

Andrei A. Erofeev,
e-mail: andreyerofeev2017@gmail.com

For citation: Erofeev, A. A. (2024) Interconnection of Language and Power: Philosophical aspect. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 2, pp. 103–110. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-103-110>
EDN OKUYZK

Received 17 March 2024; reviewed 17 May 2024; accepted 15 June 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. A. Erofeev (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) License 4.0.

Abstract. The article is devoted to analyzing the philosophical interconnections between “language and power”, power discourse and power relations realized through language. Power relations are often reduced to the political sphere, thus excluding the manifestation of power in other institutional discourses, such as a penitentiary discourse. The term “discourse” has entered the research vocabulary of philosophy, sociology, political science, anthropology and its interpretation varies depending on the positions taken by scholars. The **importance** of the study is based on the fact that the correlation between language and power in penitentiary discourse is not sufficiently studied. Moreover, it is important to examine the philosophical aspect of the correlation between the realization of the language of power and the deprivation of access to discourse among individuals devoid of any power. The **scientific novelty** of the article consists in the investigation of a significant problem of the discursive linguistics. The **novelty** of the knowledge obtained is based on the examination of the philosophical aspect of the most important social problem — inequality of access to discursive practices of one sector of the society, for example, in the penitentiary discourse. The **main research method** used is the critical discourse analysis method in the interpretation of M. Foucault, T. A. van Dijk, N. Fairclough, R. Fowler and other researchers. The **theoretical significance** of the study lies in the definition of power discourse as a discourse that establishes hierarchical institutional relations through utterances or other communicative acts. Power discourse exhibits also resistance to power. The **main result** of the research is the fact that the speech act can be interpreted as a common tool for the realization of the interests of the both groups: power and resistance to power. The essential difference between the participants of power relations lies in their unequal access to discourse.

Keywords: discourse, power, discourse of power, resistance discourse, language of power, language of resistance, empowerment

Введение

Общеизвестным является тот факт, что в любой области человеческой деятельности и взаимоотношений вербальная коммуникация играет ведущую роль. Обращаясь к феномену власти, невозможно игнорировать его очевидную связь с языком и определенную зависимость институтов власти от языка. Несмотря на достаточно хорошую разработанность проблемы реализации власти средствами языка, особенно в сфере политики, работ, посвященных обратной стороне власти — сопротивлению, — мало, и в основном манифестации сопротивления в языке рассматриваются попутно в рамках какого-либо более широкого явления.

Цели исследования заключаются в рассмотрении философского аспекта взаимосвязи концептов «язык» и «власть». При обращении к классическим работам по теории критического дискурса-анализа (КДА) выделяются основополагающие тезисы, которые оказали влияние на современные работы данного направления

в отечественной и зарубежной лингвистике. Указанное нами отсутствие целостной и развитой концепции «сопротивления в языке» в современной научной литературе, обуславливает актуальность темы.

Основная часть

Поскольку манифестации языка возможно наблюдать только при его реализации, представляется вполне обоснованным рассматривать взаимосвязь власти и дискурса. Прежде всего следует обратиться к существующим дефинициям терминов «дискурс» и «власть», которые используются в данной работе. Т. А. ван Дейк дифференцирует понятия «текст» и «дискурс» следующим образом: «Дискурс — это актуально произнесенный текст, а текст — это абстрактная грамматическая структура произнесенного». Кроме того, этот автор предлагает определять дискурс в широком значении как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе

коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте» (перевод А. Дерябина) (van Dijk 1998, 194). Н. Д. Арутюнова полагает, что дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (Арутюнова 1990, 136–137). Проанализировав различные варианты трактовки дискурса, Е. И. Шейгал выделяет, помимо прочего, определение дискурса как коммуникативного события, которое заключается «во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и других знаковых комплексов в определенных контекстах общения» (Шейгал 2004, 10–12). Поскольку данное исследование направлено на изучение манифестаций языка в пределах пенитенциарного социального института, наиболее релевантной представляется последняя интерпретация, которая взята за основу.

Обратимся к философскому аспекту понятия «власть». Традиционно власть представляется как некое принуждение, которое поддерживается соответствующими социальными институтами. М. Вебер характеризует «власть А над Б как способность А добиться, чтобы Б сделал то, что по своей воле он делать бы не стал» (Бойцова 2018, 57). Б. Рассел подходит к понятию «власть», отталкиваясь от того, как ее осуществляют организации, сплоченные общими целями и имеющие четкую иерархию и структуру: армия и полиция реализуют «власть над телом», экономические организации используют систему вознаграждений и наказаний с целью поощрения или устрашения, а школа, политические партии, религиозные организации используют методы формирования убеждений людей (Колесников 2014, 150). «Большая российская энциклопедия» связывает власть с определенным потенциалом, которым располагает субъект для воздействия на состояние, сознание и поведение объекта (Ледяев 2023). Очевидно, что понятие «власть» не обязательно должно ограничиваться исключительно политической системой. Способность оказывать определенное воздействие на человека посредством языка не замкнуто сферой политики. Акцентирование внимания на выделенном нами положении неслучайно, поскольку многие исследователи, подходящие к изучению властного дискурса (или дискурса власти), в первую очередь затрагивали именно

политический дискурс. Это отражено в работах многих отечественных исследователей, например: А. Н. Баранова, Г. Г. Матвеевой, И. В. Самариной и Л. Н. Селиверстовой, Н. В. Морозовой (Баранов 2001; Матвеева и др. 2008; Морозова 2015). В данном исследовании автор придерживается позиции, высказанной Н. В. Тищенко: «...властный дискурс — тип дискурса, который посредством высказывания или иных коммуникативных актов устанавливает иерархические отношения» (Тищенко 2016, 139). Исходя из этого, можно прийти к выводу, что властный дискурс подразумевает наличие определенной иерархии.

Принято считать, что предтечей анализа властного дискурса являются работы М. Фуко (Michel Foucault). Согласно М. Фуко, дискурсивные практики выступают основным инструментом освоения окружающей действительности. М. Фуко наделяет дискурс не просто властными полномочиями, но и «непредсказуемостью», «угрожающей материальностью» (Фуко 1996, 50). В связи с «полновластностью» дискурса его производство «контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур». К числу инструментов контроля относятся запрет и табу, разделение и отбрасывание, введение права на дискурс (Эрибон 2008, 241).

Анализируя исследования западных ученых, нельзя не принять во внимание тот факт, что концепт власти является центральным для последователей критического дискурс-анализа ('critical discourse analysis'). Данное направление в аналитических исследованиях дискурса сосредоточивает свое внимание на актуальных проблемах общества и путях их решения, функциях дискурса и реализации власти посредством него (Fairclough, Wodak 1997, 258).

Факту, что власть (которая отождествляется с понятием control — 'контроль') реализуется в обществе посредством языка, посвящена вышедшая еще в 70-е гг. работа Р. Фаулера (Roger Fowler), Боба Ходжа (Bob Hodge), Гюнтера Кресса (Gunther Kress) и Тони Трю (Tony Trew) «Язык и контроль» ('Language and Control'). Основную мысль исследования автор выразил следующим образом:

A major function of sociolinguistic mechanism is to play part in the control of members of subordinate groups by members of dominant groups [Основной функцией социолингвистического механизма является содействие осуществлению контроля группами власти над группами подчинения (перевод А. Ерофеева)] (Fowler et al. 1979, 2).

Т. А. ван Дейк, рассуждая о взаимосвязи языка и власти ('language and power'), рассматривает дискурсы политики, медиа, образовательных и социально-экономических учреждений. По мнению Т. А. ван Дейка, транслирование властного дискурса проявляется на уровне подбора тем, семантики, лексики, синтаксиса, стилистики и т. д. Власть наиболее эксплицитно выражается в организации и контроле процесса коммуникации, которые могут наблюдаться повсеместно. Социальная, экономическая и политическая власть основаны на доступе к дефицитным социальным ресурсам или в контроле над ними, и сюда относятся не только материальные ресурсы, но также знания, образование и особенно доступ к публичному дискурсу и контроль над ним (van Dijk 1998, 44).

Н. Фэрклоу (Norman Fairclough) в работе «Язык и власть» ('Language and Power') приходит к однозначному выводу: дискурс играет центральную роль в развитии современных форм власти. Согласно его мнению, никто из тех, кто стремится заполучить власть, не должен игнорировать язык, поскольку власть осуществляется с помощью языка идеологии; язык включен во власть и вовлечен в борьбу за власть; контроль над дискурсом со стороны власть имущих является одним из факторов сохранения их положения (Fairclough 1989, 3). Н. Фэрклоу там же обозначает основные механизмы власти — принуждение и согласие ('coercion and consent') (Fairclough 1989, 33). Последняя мысль явно перекликается с идеей Р. Барта о том, что власть и язык соотносятся либо в области сотрудничества, либо в области борьбы: «Одни языки высказываются, развиваются, получают свои характерные черты в свете или под сенью Власти. <...> Другие же языки вырабатываются, обретаются, вооружаются вне Власти и/или против нее» (Барт 1989, 536–537).

Основываясь на изложенной выше позиции, обозначим две главные стороны властных отношений: собственно властвующая и находящаяся в подчинении (угнетенная). Последняя также распадается на две основные группы: согласные с властью и сопротивляющиеся ей. Стоит, однако, указать на то, что, хотя цели и интересы сторон во властных отношениях, очевидно, прямо противоположны, стороны не обязательно находятся в состоянии прямого столкновения. Для описания подобного положения перманентной провокации М. Фуко вводит термин «агонизм», который обозначает скорее соперничество, нежели конфронтацию (Foucault 1982, 790).

Несмотря на явный антагонизм власти и сопротивления ввиду очевидной противоположности целей (подчинение субъектов и выход из-под подчинения соответственно), тем не менее ошибочно было бы предположить, что изучение этих явлений следует проводить обособленно. Так, например, исследователь пенитенциарного дискурса А. Майр (Andrea Mayr) утверждает, что сопротивление власти, какую бы форму она ни принимала, является ее неотъемлемой частью. Совершенно однозначно можно констатировать, что исключением не может являться и реализация власти в дискурсе (Mayr 2003, 140).

М. Фуко настаивает на том, что для понимания концепта власти ('power') непременно стоит обратиться к противоположному, оппозиционному явлению, в качестве которого, в его представлении, выступает именно сопротивление (в работах М. Фуко используются такие термины, как *resistance*, *struggle*, *agonism*) (Foucault 1982, 780–790). Сходные идеи можно обнаружить и в исследованиях последователей критического дискурс-анализа. Т. А. ван Дейк среди общих тенденций в работах представителей этого подхода называет особый интерес не только к тому, как власть реализуется и воспроизводится в обществе, но и к тому, как определенные группы могут посредством дискурса пытаться выйти из-под подчинения (van Dijk 2001, 353).

Исходя из сказанного выше, можно прийти к однозначному выводу о том, что при изучении властных дискурсов необходимо также рассматривать связанные с ними дискурсы сопротивления власти ('resistance discourse') и язык сопротивления ('resistance language'). Однако перечисленные ранее работы западных ученых не содержат систематических обзоров и глубокого анализа дискурса сопротивления и отдельно языка групп сопротивления. Современные исследования, посвященные критическому изучению дискурса, часто концентрируются на таких темах, как политический популизм (Kopytowska 2020; Lamour 2022; Maydell et al. 2021), борьба за права женщин (Esposito, Sinatora 2021; Peng et al. 2024), деколониальный дискурс (Ahmed 2020; de Melo Resende 2018), трансляция дискурса власти посредством социальных медиа (Igwebuike, Chimuanya 2024; KhosraviNik 2020) и др., и также не рассматривают особенности реализации сопротивления средствами языка. В связи с этим имеет смысл сосредоточиться на рассмотрении тех некоторых работ, которые в разных аспектах затрагивают данную тематику.

Примеры манифестаций языка сопротивления могут быть самыми разнообразными, поскольку любой тип противостояния угнетению, борьбы с властью или за нее предполагает использование языка. В области идеологического противостояния язык может выступать одновременно и как символ борьбы, и как средство выражения идеологии. Так, в Средние века в Европе на основе народно-разговорных языков начинают складываться литературные языки, что способствует развитию национального самосознания и борьбы с невежеством. Наиболее прогрессивные деятели Эпохи гуманизма берут язык на вооружение, встают на путь просвещения народа и противостояния консерваторам, стремящимся свернуть идущие процессы ради удержания своих господствующих позиций (Сергеев 2012, 47).

В России во второй половине XIX века, в период активного становления гражданского общества, язык также оказывается в центре острой идеологической борьбы: реакционеры в виде официальной власти всячески препятствуют проникновению в публичную коммуникацию таких терминов, как «революция», «гражданин», «пролетариат», «кризис», которые активно использовались сторонниками качественного преобразования общества и политической системы страны (Сергеев 2012, 47).

В некоторые исторические моменты язык может стать едва ли не единственным оставшимся средством противостояния грубой силе. Так, в период нацистской оккупации Чехии большое распространение среди населения получают анекдоты, напрямую или скрытно высмеивающие захватчиков. Устный фольклор, содержащий юмор и острую сатиру, способствовал консолидации общества, давал надежду на перемены для многих людей, которые в силу тех или иных обстоятельств не могли примкнуть к вооруженному сопротивлению (Bryant 2006, 150).

В современном мире наиболее яркими манифестациями дискурса сопротивления являются, пожалуй, выступления правозащитников и борцов с дискриминацией и нетерпимостью. В качестве примера можно отметить Нобелевскую речь лауреата премии мира Тавакуль Карман, йеменского общественно-политического деятеля и защитника прав женщин. По мнению исследователей, выбранные Т. Карман темы выступления, а также используемые ей лексико-грамматические средства бросают вызов традиционной патриархальной власти и вносят значимый вклад в конструирование новой гендерной идентичности женщин в исламских

странах (Nadeem 2011, 8). Важно подчеркнуть тот факт, что актуальные исследования дискурса сопротивления также могут способствовать процессу, получившему название «эмпваэрмент» ('empowerment') (Киенко 2022, 288) — активизации ресурсов тех групп, которые ввиду сложившихся общественных отношений лишены доступа к дискурсу и, как следствие, не имеют никакой власти в обществе, не вовлечены в активное преобразование окружающей социальной действительности (Cameron et al. 1999, 141–142). Скептического взгляда на значимость борьбы для угнетенных групп за доступ к дискурсу быть не может. Наличие возможности транслировать свою точку зрения на окружающую действительность, отстаивать свои права и интересы позволяет добиться власти в обществе даже меньшинствам. Так, в результате проводимой Евросоюзом миграционной политики, включающей принципы солидарности и интеграции мигрантов в социальную и политическую жизнь общества (что включает также и доступ к общенациональным ресурсам), в странах Европы стали появляться политические партии, отстаивающие интересы этнонациональных меньшинств, а в Нидерландах одна такая партия (DENK) даже получила места в парламенте (Netherlands... 2023).

Анализ приведенных выше примеров реализации сопротивления в дискурсе позволяет сделать вывод, что язык и здесь выступает основным инструментом борьбы против власти. Иными словами, несмотря на противоположность интересов и целей сторон властных отношений, тем не менее используемые ими средства совпадают.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что изучение взаимосвязи власти и языка относится к области дискурсных исследований. Дискурс власти не ограничивается исключительно политической сферой, поскольку концепт власти применим практически к любой области человеческих взаимодействий, подразумевающей наличие принуждения, с одной стороны, и подчинения или сопротивления — с другой.

Язык представляет собой социальную практику, которая формирует общественные отношения, в том числе властные. Посредством дискурса и наличия контроля над ним власть формирует систему и обеспечивает (или пытается обеспечить) ее стабильность, в то время как сопротивление, борьба за власть, стремится

кардинально изменить (путем получения в руки власти) или хотя бы улучшить свое положение в сложившейся системе. При этом обе стороны властных взаимоотношений, преследующих диаметрально противоположные цели, располагают единым инструментарием — языком. Существенное различие между группами власти и сопротивления лежит в возможности реализации этого важнейшего инструмента, поскольку обнаруживается существенное неравенство сторон в области ограниченного доступа к нематериальным ресурсам. Дальнейшее исследование заявленной проблематики будет сфокусировано на более глубокой разработке реализации языка власти в институциональных дискурсах, в частности пенитенциарном.

Список сокращений

КДА — критический дискурс-анализ

List of Abbreviations

CDA — critical discourse analysis

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1990) Дискурс. В кн.: В. Н. Ярцева (ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, с. 136–137.
- Баранов, А. Н. (2001) *Введение в прикладную лингвистику*. М.: Эдиториал УРСС, 358 с.
- Барт, Р. (1989) *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, 616 с.
- Бойцова, О. Ю. (2018) «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, № 1, с. 55–62.
- Киенко, Т. С. (2022) Эмпауэрмент (empowerment)-подход как методология исследования и преодоления социальных проблем людей, групп и сообществ в совместной деятельности: обзор и исследовательские рамки. *Социологическое обозрение*, т. 21, № 2, с. 274–303. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-274-303>
- Колесников, А. С. (2014) Проблема власти в философии Бертрانا Рассела. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 25 (354), с. 148–153.
- Ледяев, В. Г. (2023) Власть. *Большая российская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/vlast-048252> (дата обращения 04.02.2024).
- Матвеева, Г. Г., Самарина, И. В., Селиверстова, А. Н. (2008) Взаимосвязь языка и власти. *Философия права*, № 6 (31), с. 90–95.
- Морозова, Н. В. (2015) Два измерения соотношения языка и власти. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*, № 2, с. 144–122.
- Сергеев, Ф. П. (2012) Из истории взаимоотношений идеологии и языка. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, № 11 (75), с. 46–52.
- Тищенко, Н. В. (2016) Властный дискурс. *Дискурс-Пи*, № 1 (22), с. 139–141.
- Фуко, М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 448 с.
- Шейгал, Е. И. (2004) *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 324 с.
- Эрибон, Д. (2008) *Мишель Фуко*. М.: Молодая гвардия, 384 с.
- Ahmed, Y. (2020) Political discourse analysis: A decolonial approach. *Critical Discourse Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 139–155. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1755707>
- Bryant, C. (2006) The language of resistance? Czech jokes and joke-telling under Nazi occupation, 1943–45. *Journal of Contemporary History*, vol. 41, no. 1, pp. 133–151. <https://doi.org/10.1177/0022009406058687>
- Cameron, D., Frazer, E., Harvey, P. et al. (1999) Power/knowledge: The politics of social science. In: A. Jaworski, N. Coupland (eds.). *The Discourse reader*. London: Routledge Publ., pp. 141–157.
- De Melo Resende, V. (2018) Decolonizing critical discourse studies: For a Latin American perspective. *Critical Discourse Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 26–42. <https://doi.org/10.1080/17405904.2018.1490654>
- Espósito, E., Sinatora, F. L. (2021) Social media discourses of feminist protest from the Arab Levant: Digital mirroring and transregional dialogue. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 5, pp. 502–522. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1999291>
- Fairclough, N. (1989) *Language and power*. London; New York: Longman Publ., 259 p.
- Fairclough, N., Wodak, R. (1997) Critical discourse analysis. In: T. A. van Dijk (ed.). *Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 2. Discourse as social interaction*. London: Sage Publ., pp. 258–284.
- Foucault, M. (1982) The subject and power. *Critical Inquiry*, vol. 8, no. 4, pp. 777–795.

- Fowler, R., Hodge, B., Kress, G., Trew, T. (1979) *Language and control*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul Publ., 224 p.
- Igwebuike, E. E., Chimuanya, L. (2024) Self-promotion, ideology and power in the social media posts of Nigerian female political leaders. *Journal of Language and Politics*, vol. 23, no. 1, pp. 67–90. <https://doi.org/10.1075/jlp.22148.igw>
- KhosraviNik, M. (2020) Digital meaning-making across content and practice in social media critical discourse studies. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 119–123. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1835683>
- Kopytowska, M. (2020) Proximization, presumption and salience in digital discourse: On the interface of social media communicative dynamics and the spread of populist ideologies. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 144–160. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1842774>
- Lamour, C. (2022) Right-wing populist media events in Schengen Europe: The negotiated border discourse in-between nation states. *Journal of Language and Politics*, vol. 21, no. 4, pp. 521–543. <https://doi.org/10.1075/jlp.20066.lam>
- Maydell, E., Tuffin, K., Brittain, E. (2021) The effect of media populism on racist discourse in New Zealand. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 3, pp. 309–325. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1874449>
- Mayr, A. (2003) *Prison discourse: Language as a means of control and resistance*. London: Palgrave Macmillan Publ., 257 p. <https://doi.org/10.1057/9780230511965>
- Nadeem, N. M. (2011) Language of resistance, gender and power in Tawakol Karman's Nobel Prize Speech. In: A. Isman (ed.). *Education of citizenship and democracy in Turkey, International conference New Horizons in education*. [S. L.]: [s. n.], pp. 2507–2528. [Online]. Available at: https://scholar.cu.edu.eg/sites/default/files/nahla/files/language_of_resistance.pdf (accessed 05.02.2024).
- Netherlands: 2023 general election. (2023) *Politico. Poll of Polls*. [Online]. Available at: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/netherlands/?ref=vashtimedia.com> (accessed 12.01.2024).
- Peng, A. Y., Wu, C., Chen, M. (2024) Sportswomen under the Chinese male gaze: A feminist critical discourse analysis. *Critical Discourse Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 34–51. <https://doi.org/10.1080/17405904.2022.2098150>
- Van Dijk, T. A. (1998) *Ideology: A multidisciplinary approach*. London: Sage Publ., 384 p.
- Van Dijk, T. A. (2001) Critical discourse analysis. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). *The handbook of discourse analysis*. Malden: Blackwell Publ., pp. 352–371.

References

- Ahmed, Y. (2020) Political discourse analysis: A decolonial approach. *Critical Discourse Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 139–155. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1755707> (In English)
- Arutyunova, N. D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Moscow: Sovetskaya entsyklopedia Publ., pp. 136–137. (In Russian)
- Baranov, A. N. (2001) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [An introduction to applied linguistics]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 358 p. (In Russian)
- Barthes, R. (1989) *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]*. Moscow: Progress Publ., 616 p. (In Russian)
- Boitsova, O. Yu. (2018) “Vlast” kak kontsept: fiksatsiya smyslov v yazyke i ikh interpretatsiya v sovremennoj politicheskoy filosofii [The power as a concept: Fixing the meanings in the language and their interpretation in modern political philosophy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya — Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 1, pp. 55–62. (In Russian)
- Bryant, C. (2006) The language of resistance? Czech jokes and joke-telling under Nazi occupation, 1943–45. *Journal of Contemporary History*, vol. 41, no. 1, pp. 133–151. <https://doi.org/10.1177/0022009406058687> (In English)
- Cameron, D., Frazer, E., Harvey, P. et al. (1999) Power/knowledge: The politics of social science. In: A. Jaworski, N. Coupland (eds.). *The Discourse reader*. London: Routledge Publ., pp. 141–157. (In English)
- De Melo Resende, V. (2018) Decolonizing critical discourse studies: For a Latin American perspective. *Critical Discourse Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 26–42. <https://doi.org/10.1080/17405904.2018.1490654> (In English)
- Eribon, D. (2008) *Mishel' Fuko [Michel Foucault]*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 384 p. (In Russian)
- Esposito, E., Sinatora, F. L. (2021) Social media discourses of feminist protest from the Arab Levant: Digital mirroring and transregional dialogue. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 5, pp. 502–522. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1999291> (In English)
- Fairclough, N. (1989) *Language and power*. London; New York: Longman Publ., 259 p. (In English)
- Fairclough, N., Wodak, R. (1997) Critical discourse analysis. In: T. A. van Dijk (ed.). *Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 2. Discourse as social interaction*. London: Sage Publ., pp. 258–284. (In English)
- Foucault, M. (1982) The subject and power. *Critical Inquiry*, vol. 8, no. 4, pp. 777–795. (In English)
- Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of various years]*. Moscow: Kastal' Publ., 448 p. (In Russian)
- Fowler, R., Hodge, B., Kress, G., Trew, T. (1979) *Language and control*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul Publ., 224 p. (In English)

- Igwebuike, E. E., Chimuanya, L. (2024) Self-promotion, ideology and power in the social media posts of Nigerian female political leaders. *Journal of Language and Politics*, vol. 23, no. 1, pp. 67–90. <https://doi.org/10.1075/jlp.22148.igw> (In English)
- Kienko, T. S. (2022) The empowerment approach as a methodology for research and overcoming social issues of people, groups, and communities in mutual activities: Review and research framework. *Sotsiologicheskoe obozrenie — Russian Sociological Review*, vol. 21, no. 2, pp. 274–303. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-274-303> (In Russian)
- KhosraviNik, M. (2020) Digital meaning-making across content and practice in social media critical discourse studies. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 119–123. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1835683> (In English)
- Kolesnikov, A. S. (2014) Problema vlasti v filosofii Bertrana Rassela [Problem of power in Bertrand Russell philosophy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 25 (354), pp. 148–153. (In Russian)
- Kopytowska, M. (2020) Proximization, presumption and salience in digital discourse: On the interface of social media communicative dynamics and the spread of populist ideologies. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 144–160. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1842774> (In English)
- Lamour, C. (2022) Right-wing populist media events in Schengen Europe: The negotiated border discourse in-between nation states. *Journal of Language and Politics*, vol. 21, no. 4, pp. 521–543. <https://doi.org/10.1075/jlp.20066.lam> (In English)
- Ledyayev, V. G. (2023) Vlast' [Power]. *Bol'shaya rossijskaya entsiklopediya [The Great Russian encyclopedia]*. [Online]. Available at: <https://bigenc.ru/c/vlast-048252> (accessed 04.02.2024). (In Russian)
- Matveeva, G. G., Samarina, I. V., Seliverstova, L. N. (2008) Vzaimosvyaz' yazyka i vlasti [The interrelation of language and power]. *Filosofiya prava*, no. 6 (31), pp. 90–95. (In Russian)
- Maydell, E., Tuffin, K., Brittain, E. (2021) The effect of media populism on racist discourse in New Zealand. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 3, pp. 309–325. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1874449> (In English)
- Mayr, A. (2003) *Prison discourse: Language as a means of control and resistance*. London: Palgrave Macmillan Publ., 257 p. <https://doi.org/10.1057/9780230511965> (In English)
- Morozova, N. V. (2015) Dva izmereniya sootnosheniya yazyka i vlasti [Two dimensions of language and power relation]. *Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya" — RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 2, pp. 144–122. (In Russian)
- Nadeem, N. M. (2011) Language of resistance, gender and power in Tawakol Karman's Nobel Prize Speech. In: A. Isman (ed.). *Education of citizenship and democracy in Turkey, International conference New Horizons in education*. [S. L.]: [s. n.], pp. 2507–2528. [Online]. Available at: https://scholar.cu.edu.eg/sites/default/files/nahla/files/language_of_resistance.pdf (accessed 05.02.2024). (In English)
- Netherlands: 2023 general election. (2023) *Politico. Poll of Polls*. [Online]. Available at: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/netherlands/?ref=vashtimedia.com> (accessed 12.01.2024). (In English)
- Peng, A. Y., Wu, C., Chen, M. (2024) Sportswomen under the Chinese male gaze: A feminist critical discourse analysis. *Critical Discourse Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 34–51. <https://doi.org/10.1080/17405904.2022.2098150> (In English)
- Sergeev, F. P. (2012) Iz istorii vzaimootnoshenij ideologii i yazyka [From the history of interrelations between ideology and language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 11 (75), pp. 46–52 (In Russian)
- Sheigal, E. I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. Moscow: Gnozis Publ., 324 p. (In Russian)
- Tishchenko, N. V. (2016) Vlastnyj diskurs [The discourse of power]. *Diskurs-Pi — Discourse-P*, no. 1 (22), pp. 139–141. (In Russian)
- Van Dijk, T. A. (1998) *Ideology: A multidisciplinary approach*. London: Sage Publ., 384 p. (In English)
- Van Dijk, T. A. (2001) Critical discourse analysis. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). *The handbook of discourse analysis*. Malden: Blackwell Publ., pp. 352–371. (In English)